

«БОЕЛИСЬ ПРАЗДНИКОВ БЕДА СТАРЫ ЛЮДИ»: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАЛЕНДАРНЫХ ТЕРМИНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧОРСКИХ ГОВОРОВ)

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ИЛЬИНА

(Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина: Российская Федерация, Республика Коми, 167000, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Аннотация. В статье дается характеристика лексем, определяющих «старинные» праздники усть-цилемского народного календаря, которые объединены запретом на выполнение в эти дни работы. В печорских говорах сосуществует несколько прилагательных, называющих такие календарные праздники: «притчевые», «притчливые», «притчливатые», «притчеватые», «притчливые», «прикосливые», «потрус(ш)ливые», «ответные». Каждая из этих лексем обладает живой внутренней формой и реализует свою модель характеристики праздничных дней.

Корни слов «притчливый» и «прикосливый» заключают в себе идею воздействия на человека внешних сил посредством физического прикосновения (ткнуть) или взгляда (косого). В результате прилагательные устанавливают связь между этим событием (конкретнее — несчастным случаем: притчей и прикосом) и тем периодом в годовом календарном цикле, когда несчастье может произойти.

Во внутренней форме лексем «потрус(ш)ливый» и «ответный» выражается ответ человека на несчастный случай, произошедший в праздничный день: «потрус(ш)ливый» заключает представление об эмоциональной реакции человека на однажды пережитое и теперь тоже возможное несчастное происшествие, а «ответный» — о реакции рациональной.

В результате номинации календарных праздников в печорских говорах можно условно представить в виде причинно-следственной цепочки: случай, приведший в этот день к болезни и интерпретируемый как результат влияния внешнего негативного воздействия («притчливый», «прикосливый»), и ответная реакция на него — переживание боязни возможного в этот день несчастного случая («потрушливый») или отказ от работы, который получает закрепление в произносимом обещании в этот день не работать («ответный»).

Ключевые слова: термины календарных праздников, внутренняя форма, мотивационный признак, семантическая структура слова.

В ряд общепризнанных вербальных объектов этнолингвистических исследований входят обрядовые термины — названия «семиотически (культурно) значимых реалий» обрядов и верований, например,

ритуальных предметов, участников обрядов, их действий, функций и т.п. [Толстая 2008, 211]. Неотъемлемую их часть составляют термины календарных обрядов и праздников, в частности, номинации

самих по-особенному маркированных в календарном цикле дней.

В усть-цилемском народном календаре¹ «живут» особые дни — «старинные» праздники, в которые было запрещено работать, в противном случае «кака ле nelaдица сделається»; «все равно како ле несчастье будет» (Зап. от Марфы Филипповны Ермолиной, 1933 г.р. (урож. с. Усть-Цильмы), с. Трусово. Соб. Т. С. Канева, В. В. Головин. 2007 г.)² [ФА СГУ 03235–49; 03384–129]. Такие праздники «стары люди» почитали и «боелись беда» (Зап. от Агафьи Наумовны Бобрецовоной, 1932 г.р., д. Нонбург. Соб. Т. С. Канева, А. И. Васкул. 2011 г.) [ФА СГУ 03318–26]. В речи носителей русского языка, проживающих по рекам Печоре, Цильме, Пижме и Нерице (на территории Усть-Цилемского р-на Республики Коми), эти дни называются по-разному: *притчевыми, притчливыми, притчливатыми, притчеватыми, приточливыми, прикосливыми, потрус(ш)ливыми, оветными*.

Количество таких вынужденно «бездеятельных», почитаемых праздничных дней в году, по словам устьцилемов, разнится — от «всех или больших старинных праздников» (Зап. от Марфы Петровны Рочевой, 1933 г.р. (урож. с. Трусово), д. Рочево. Соб. Ю. Н. Ильина, А. И. Васкул. 2008 г.) [ФА СГУ 03270–109] до отдельных, особенно опасных: Ильина дня, Петрова дня, Николина дня, Духова дня, дня «матери Елены и царю Константину». Самым «наказуемым», согласно рассказам информантов, является Ильин день: *Говорили, что не робьте: приточливый день-от. То говорили, тоже я слыхала... Ильин — больше-то всех* (Зап. от Анны Абрамовны Тирановой, 1937 г.р. (урож. д. Степановской), с. Усть-Цильма. Соб. Л. В. Ангеловская, Ю. Н. Ильина, Т. С. Канева. 2013 г.) [ФА СГУ 03362–15]. Поэтому если большинство праздничных дней имеют в устьцилемской традиции свой, отличный от других, специфический «набор» бед, то к Ильину дню в народной памяти стягиваются все возможные несчастья: в этот день сгорел зарод или дом; ветром разметало зарод; кто-то посекал или сломал ногу или руку; овцы пошли к воде и утонули и т. п.

Проследим, какие признаки положены в основу номинаций опасных праздничных дней в печорских говорах, как во внутренней форме данных календарных терминов отражается взгляд человека на мир.

Похожими по модели словообразования и направлению развития смысловой структуры представляются прилагательные *приточливый* (с вариантами *притчливый, притчливатый, притчевый, притчеватый*) и *прикосливый*. Это суффиксальные образования, мотивирующие их слова называют событие — несчастный случай, произошедший в тот или иной календарный праздник.

В первый ряд названий опасных для человека праздничных дней входят лексемы с историческим корнем *-тѣк-*, который представлен в говорах вариантами *-тч-* (*притчевый, притчливый, притчливатый, притчеватый*) и *-точ-* (*приточливый*). Начальными звеньями словообразовательной цепочки, в которую входят данные лексемы, являются слова *приточиться* со значением ‘случиться, сделаться’ [СРНГ, вып. 32, 24] и *притча* в отмеченном словарях еще в древнерусском языке значении — ‘случай/неудача, беда’ [Срезневский 2, 1483]. Слово *притча* в значении ‘беда, несчастье’ до сих пор активно функционирует в печорских говорах, в том числе в контекстах, комментирующих название того или иного «старинного» праздника притчевым днем [СРГНП, т. 2, 167]: *Притчевые дни тоже бывали... Когда гроза идёт да чё ли дак... тут у нас у сестреницы... стоял конь, дак его гроза: полетел дак задался этот конь. Также притчи такие были. Лошади ле кто ле да всё равно чё ле. Ага, притчеваты дни такие были...* (Зап. от Александры Алексеевны Одинцовой, 1924 г.р. (урож. д. Гарево), с. Усть-Цильма. Соб. Л. В. Ангеловская, Ю. Н. Ильина. 2012 г.) [ФА СГУ 03349–38].

Согласно данным словаря М. Фасмера, первоначально **prityčsa* связана с *prityčnoti* (см. *ткнуть*), *притка* означает «то, что приключилось» (от *тыкать, ткнуть*) [Фасмер 3, 367–368]. Таким образом, внутренняя форма лексемы *притча* и однокоренных слов заключает в себе

¹ Характеристика усть-цилемского народного календаря в целом и отдельных календарных праздников дана в работах: [Канева 2000; Дронова 2007].

² Приведенные в статье полевые материалы собраны на территории Усть-Цилемского р-на Республики Коми.

идею внешнего агрессивного воздействия на субъект («тычка»), которое осмысляется как непредвиденное обстоятельство, случай, нарушающий привычное течение событий жизни (ср. воплощающее эту идею значение лексемы *притъчение* в древнерусском языке — ‘препятствие’ [Срезневский 1989, т. 2, 1483]).

Прилагательное *приточный* (и остальные словообразовательные его варианты) в сочетании с существительным *день* или *праздник* обозначает в народной речи признак предмета через его отношение к событию, случаю: *приточливым* называют временной отрезок, в который может что-то случиться, произойти. Известно, что взгляд человека на мир всегда оценочен, и эта установка получает свое отражение в языке, в частности, в значениях прилагательных с корнем *-тк-/-тч-/-точ-*. При этом случай, выходящий из ряда привычных для человека событий, — *притча* — может получать относительно нормы, порядка прямо противоположные характеристики и оценки. Так, например, разнооценочные значения зафиксированы в диалектной речи у слова *притка*: с одной стороны, ‘чудо’, а с другой — ‘болезнь’ [СРНГ, вып. 32, 16].

Прилагательные с корнем *-тк-/-тч-/-точ-*, однако, обнаруживают в своих современных значениях преимущественно один вектор смыслового развития производных с данным корнем — в сторону отрицательно оцениваемого признака. В печорских говорах *приточливыми*, помимо дней или праздников, называют людей: людей невезучих, с которыми часто происходят какие-нибудь несчастья (ср.: *Приточливый* <...> с ним что-то всегда случается. Вот, например, у меня с внуком случилось. Он на соревнованиях ногу сломал, бедро переломил, и не взял в армию. <...> Вот *притча*. *Приточливый* он. У меня дедка *приточливый*, у него сестра Авдотья *приточливая*. Они всё где ли падут, там опять с ними что-то случится (Зап. от Анастасии Яковлевны Бульгиной, 1936 г.р. (урож. с. Трусово), с. Усть-Цильма. Соб. Ю.Н. Ильина. 2015 г.) [ФА СГУ 03379–91]), или людей капризных, своевольных (ср.: Ну, там *приточлива* она или *приточлив* — это вот кто капризный человек. Есть такого люди склада. Вот те *приточливы*. Говорит: «Ну, *приточливый!*» Она да он да. Вот такие. Как бы объяснить?

Ну, люди, которые, может быть, хотят, чтобы было по-ихнему всегда (Зап. от Евдокии Ивольевны Поздеевой, 1937 г.р., с. Усть-Цильма. Соб. Л.В. Ангеловская, Ю.Н. Ильина. 2012 г.) [ФА СГУ 03351–72]).

В других русских говорах прилагательные с корнем *-тк-/-тч-/-точ-*, так же как и в печорских, образованные с помощью разных суффиксов: *притковатый*, *притчеватый*, *притчий*, *приткий*, *приточливый*, *приточный*, — как правило, тоже называют людей и «сходятся» в инвариантном значении ‘реагирующий на случившееся, чувствительный к чему-л., восприимчивый’. На следующей ступени развития их семантической структуры характер реакции человека на внешние раздражители получает конкретизацию: это физическая реакция (*приточливый* ‘болезненный, больной’ [СРНГ, вып. 32, 24], *притошное место* ‘болезненное место’ [Там же]) или психоэмоциональная (*притчеватый* ‘привередливый, обидчивый’ [Там же, 33]). Наконец, производные с корнем *-тк-/-тч-/-точ-* включают в свою структуру лексико-семантический вариант, в котором представление о болезни сужается до болезни конкретной этиологии — вызванной колдовством, сглазом: *притошный лекарь* ‘знахарка, снимающая сглаз’ [Там же, 16–25].

Те же смысловые точки оказываются базовыми в развитии семантики следующего прилагательного, определяющего опасные для человека календарные праздники, — *прикосливый* и образований, однокоренных с ним: А *таки стары всё праздновали... Да, прикосливый* — *если ты робишь в большой праздник, прикосливый будто бы. Не надо робить. Уж лучше уж потом чё ли делай, а в праздник такой не робь... Ну, притчи будто бы, притчи. А ныне не разбирает молодежь: ...хошь когды пойдут (Зап. от А.Н. Бобрецово, см. выше) [ФА СГУ 03318–23].*

В севернорусских говорах для прилагательного *прикосливый*, как и для *приточливый*, отмечены мотивирующие его в структурном и смысловом отношении слова с «событийным» значением: глагол *прикоснуться* в значении ‘случиться, произойти’ [СРНГ, вып. 31, 260] и существительное *прикос* с оценочным компонентом значения — ‘несчастный случай, неожиданность’ [Там же, 258]. Обращает на себя внимание более последовательное,

чем в случае с производными корня *-тк-/тч-/точ-*, развитие у образований с корнем *-кос-* значений (иногда единственных из отмеченных в диалектных словарях), которые обозначают внешнее негативное воздействие на что- или кого-л. со стороны знающего человека: *прикосить* — ‘сглазить’, *прикоситься* — ‘стать больным от сглаза, порчи’, *прикос* — ‘сглаз, порча, заболевание, вызванное наговором, колдовством’ [Там же].

Вероятно, это связано с внутренней формой, исходной идеей корня приведенных слов. Корень *-кос-* для данных образований этимологизируется в словарях сложнее, в отличие, например, от омонимичных корней в словах *коса*, *косить*, *косьба* или *коса*, *косичка*. Вместе с тем именно общее значение большинства диалектных слов с этим корнем — ‘воздействующий на кого-л. (посредством дурного глаза или слова) с целью причинения вреда или поддающийся такому воздействию’ — поддерживает предположение о том, что принципом номинации в данном случае является признак ‘непрямой, искривленный (взгляд)’. Сама лексема *прикос* коррелирует в таком случае с закрепившимся в литературном языке словом с прозрачной внутренней формой — *сглаз* или одноструктурным диалектным *призор*. Таким образом, корень *-кос-* в слове *прикосливый* воплощает идею о губительном воздействии на человека взглядом, причем взглядом неправильным, косым.

Характеризуя значение и функционирование в диалектной речи прилагательного *прикосливый*, отметим, что в печорских говорах оно реализует только одну валентную связь — с существительным *день* или *праздник* и обозначает отношение данного признака к несчастному случаю, беде. В других русских говорах сочетаемость лексем *прикосливый* и *прикосный* оказывается более широкой: *прикосливый человек*, *прикосливые телята* [СРНГ, вып. 31, 259], *прикосные слова*, *прикосная трава* [Там же, 260], а их значения распределяются по двум группам: ‘обладающий дурным глазом или поддающийся ему’ и ‘привередливый, прихотливый, придирчивый’.

Таким образом, в формировании значений лексем *приточливый* (и других вариантов) и *прикосливый*, называющих в усть-цилемской традиции особенные

календарные праздники, можно проследить параллелизм. Корни обоих слов заключают в себе идею воздействия на человека внешних (сверхъестественных) сил посредством физического прикосновения (ткнуть) или взгляда (косого). В результате рассмотренные относительные прилагательные устанавливают связь между этим событием, конкретнее — несчастным случаем, бедой — *притчей* и *прикосом* — и тем временным периодом в годовом календарном цикле, когда несчастье может произойти.

Во внутренней форме следующих календарных терминов: *потрус(и)ливый* и *ответный* — выражается реакция, ответ человека на несчастный случай, произошедший в праздничный день. Разница между этими атрибутами заключается в том, что *потрус(и)ливый* в своем корне заключает представление об эмоциональной реакции человека на однажды пережитое и теперь тоже возможное несчастное происшествие, а *ответный* — о реакции рациональной, действенной.

Прилагательное *потрус(и)ливый* фиксируется диалектными словарями в севернорусских говорах в значении ‘тяжелый, трудный (о времени)’ (волог.) [СРНГ, вып. 30, 310] и ‘связанный с бедой, несчастьем’ (с одним примером — словосочетанием *потрусливый праздник*) [СРНП, т. 2, 129]. В развернутых нарративах устьцилемы объясняют значение этого слова через глагол *бояться*: *Ильин день самый потрушливый праздник считался. Всё что-то могло случиться в этот день. <...> Потрушливый — значит всё равно что-то случится в этот день плохое. Всё боялись, как боялись, чтобы в этот день... Ну, в воду не или, работу не робили в этот день ни в коем случае. Строго было. <...> Потрушливый — это значит, что бояться надо, беречься надо <...>. Ильин день — самый страшный праздник он считается* (Зап. от Анны Трофимовны Хозяиновой, 1937 г.р. (урож. д. Гаревое), с. Усть-Цильма. Соб. Т. С. Канева, Д. И. Шомысов. 2015 г.) [ФА СГУ 03373–73].

В истории русского языка обозначение словами с корнем *-трус-/тряс-* состояния боязни, испуга является вторичным относительно исходного, «физического» его значения ‘дрожать’ [Фасмер 1996, т. 4, 109–110]. Основой для развития

«психической» группы производных значений (*трус, трусливый, трусить* и т.п.) становится первичная смысловая доминанта корня *-трус-/-тряс-* — «мелкие и частые внешние колебания (человека, земли)».

Можно предположить следующую логику формирования у производных с данным корнем значения 'поддаваться страху, пугаться'. Само поведение испугавшегося человека, внешнее проявление его состояния представляет собой дрожь, частое судорожное сотрясение тела. Это становится основой для метонимической номинации испугавшегося человека как *трясущегося* от страха, или *труса*, что и закрепляется в литературном языке. Отмеченная мотивационная связь «особенности поведения человека (дрожь, сотрясения) — психическое состояние, вызвавшее его» обнаруживается в диалектной речи при обозначении другой реакции человека на внешний раздражитель — смеха: *потрусом* в вологодских и пермских говорах называют 'балагура, краснобая, шутника' или 'смешной случай, шутку, шуточный рассказ, анекдот' [СРНГ, вып. 30, 309]. Человек испугавшийся, как и смеющийся, внешним наблюдателем воспринимается как дрожащий, поэтому для их номинации используется корень *-трус-/-тряс-* с исходным значением 'дрожать'.

Диалектные лексемы с корнем *-трус-/-тряс-*, кроме того, обращают внимание еще на одну линию развития исходного значения корня. В смысловой доминанте корня — «мелкие и частые внешние колебания (человека, земли)» — существенным является признак неустойчивости, непостоянства, движения из одной стороны в другую. Вероятно, именно он оказывается положенным в основу значения 'изменения, перемены' [СРНГ, т. 2, 129], а также 'неприятности, передеряги' и 'хлопоты, беспокойство, опасение' [СРНГ, вып. 30, 309–310] — значений с элементом отрицательной оценки, которые в севернорусских диалектах закрепляются за лексемой *потруссы* (ср. значение лит. *потрясение*). Таким образом, изменения, оцениваемые человеком как нарушение установленного, сложившегося порядка, вызывают у него естественную реакцию тревоги и опасения. В результате прилагательное *потрусливый* закрепляется

в печорских говорах в сочетании со словом *праздник* или *день* для обозначения особого в календарном круге дня — таящего в себе возможные для человека несчастья и как следствие опасения.

Внутренняя форма лексемы *ответный* также представляет реакцию человека на предполагаемые беды, связанные со старинными праздниками, но реакцию рациональную, «действенную».

Прилагательное *ответный* отношениями смысловой и словообразовательной производности связано со словом *ответ* — 'обещание, зарок, клятва' [СРНГ, вып. 22, 295]. Устьцилемы часто рассказывают о случаях индивидуальных обещаний не работать в определенные дни, которые давались в присутствии односельчан в связи с конкретными несчастными происшествиями, случившимися с ними, их родственниками или знакомыми.

Ср.: *Однажды гроза была в Кириков день. Вот Кириков день — в июле он, наверное, где-то к августу поближе. Впереди... гроза больша была — она где ли за морошкой ходила — и она без сознания пала. И она всю жизнь, говорит, так грозы больше боялась... Дак они праздники так-то. Кириков день да Ильин день — да тут сколько их праздников-то... Она вот его никогда не работала в ём. Никуда больше с того не работала никогда: дала ответ, чтобы не работать и не ходить не за ягодами, никогда вот* (Зап. от Евдокии Викуловны Бобрецово, 1929 г.р. (урож. д. Нонбург), д. Трусово. Соб. Т. С. Канева, Ю. Н. Ильина. 2008 г.) [ФА СГУ 03272–15].

Вот ответный — Миколин день... Ну, например, если поедешь, робить станешь — чё ли тут случится и больше скажут: вот я больше уж никогда... А это обет. Скажем, обет дал. Ну, как старик у нас один в Миколин день перевернулся на плоту. Да. Короче, поднакляпил, подплыл и его снесло с плоту. И он обет дал в этот день больше никогда не ездить на своем веку пока живой по воде. Вот это обет называется. Обетный день. Но потом всё забыл, стал ездить (Зап. от Евдокии Иосифовны Беккер, 1936 г.р. (урож. д. Ильинки), с. Нерица. Соб. Т. С. Канева. 2009 г.) [ФА СГУ 03291–109].

Обратимся к внутренней форме слова *ответный*. Соседствующие согласные приставки *об-* и корня *вед-* (обнаруживаемого

также в словах *вече, завет, совет, навет, привет*) переживают процесс упрощения. Если в литературном языке в большинстве случаев согласной, утрачиваемой при упрощении, оказывается согласная корня *в*, то диалекты начальную корневую согласную сохраняют, утрачивая, напротив, конечный элемент приставки: *о(б)-ветный*.

В соответствии с двумя указанными возможными направлениями процесса упрощения согласных *-бв-* в русских народных говорах фиксируется два ряда слов: с одной стороны, *обетить, обетиться, обещаться, обетник, обетчик, обетница, обетчица* [СРНГ, вып. 22, 39–40], с другой — *овет, овёт, оветный, овещать, овечать, овещаться, оветиться, овещение* [Там же, 295–297]. Оба ряда слов объединены общим главным смысловым компонентом: ‘обещать, давать обещание’. Причем важной в структуре их лексического значения является сема ‘обещание, данное из суеверных/религиозных/богобоязненных побуждений’.

Отказ от работы в праздничные дни выражается, согласно семантике корня, через его оглашение, произнесение: ср. этимологическое объяснение, приведенное М. Фасмером, — *обет* из **об-* и **веть* ‘изречение’, а также указание на другую степень вокализма того же корня в слове *вития* (‘оратор’), которое также реализует идею говорения [Фасмер 1996, т. 1, 305; т. 3, 99]. Приставка *об-* задает направление распространения действия — вокруг, во все стороны (аналогично проявленное в однокоренном *о-по-вестить* и одноструктурных типа *обжигать* — *обжиг, обводить* — *обвод*).

В речи существительное *овет* регулярно включается в устойчивое словосочетание с глаголом *дать*. Подобная глагольно-именная конструкция представлена в русском языке широко: ср. *дать обещание, дать зарок, дать зарекание*. Слова *зарок* и *зарекание* со словообразовательно активным корнем *-рок-/-рек-* заключают в себе ту же идею говорения и регулярно употребляются в рассказах об опасных праздниках.

Литература

Дронова 2007 — Дронова Т.И. Иван день в традиции староверов-беспоповцев Усть-Цильмы // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 106–118.

Ср.: *На этот, на камень овцы-ти зашли и все в общем как-то они скатились, погибли... И ихний дед, то ли правдедко он — Иван Ефимович был, дак у Ивана Ефимовича, у дедка-то отец или в общем... дал такой зарок из поколения в поколения передавать, чтобы в Ильин день никогда не работали...* (Зап. от Агафьи Васильевны Бобрецовоной, 1940 г.р. (урож. д. Мыла), с. Трусово. Соб. Ю.Н. Ильина. 2008 г.) [ФА СГУ 03275–85].

Дак потом мужчины все стали говорить, что больше никогда в Ильин день работать не будем. Они дали зарекание такое, что мы не будем в этот день работать. Лучшие любой другой день, но в Ильин день ни в коем случае. Вот это я запомнила хорошо. (Зап. от А.Т. Хозяиновой, см. выше) [ФА СГУ 03373–74].

Вербальное обещание может получать в народной культуре акциональную поддержку: человек отказывается от работы в праздничный день и иногда закрепляет это обещание предметно. В некоторых традициях как знак обета по какому-л. поводу (особенно в случае болезни) на икону вешали крест, платок и др. предметы, которые назывались *оветами* [СРНГ, вып. 22, 295].

Таким образом, в печорских говорах сосуществует несколько прилагательных, определяющих «старинные» календарные праздники, которые почитаются устьцилемами и при этом оцениваются как опасные для работающих в такие дни. Каждая из этих лексем обладает живой внутренней формой и реализует свою модель характеристики праздничных дней. В соответствии с этими характеристиками прилагательные можно условно представить в виде причинно-следственной цепочки: случай, приведший в этот день к увечью или болезни и интерпретируемый в том числе как результат влияния внешнего негативного воздействия (*приточный, прикосливый*), и ответная реакция на него — переживание боязни возможного в этот день несчастного случая (*потрушливый*) или отказ от работы, который получает вербальное закрепление в произносимом обещании в этот день не работать (*оветный*).

Канева 2000 — Канева Т.С. Календарно-бытовой уклад жизни устьцилемов (по публикациям XIX — начала XX в. и материалам фольклорных экспедиций СыктГУ) // Старообрядчество: История, культура, современ-

ность: Матер. 5-й науч.-практ. конф. М., 2000. С. 412–429.

РК СРГНП — Словарь русских говоров Нязовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. М.; Л., 1965–1989. Вып. 1–23; Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Сороколетова. Л. (СПб.), 1990–2010. Вып. 24–43.

Срезневский 1989 — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1893–1912. Репринт. изд. М., 1989.

Толстая 2008 — Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 210–225.

Фасмер 1996 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. О. Н. Трубачева. СПб., 1996. Т. 1–4.

Сокращения

ФА СГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина: Российская Федерация, Республика Коми, 167000, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55; тел.: +7 (8212)39-03-97; e-mail: juli_il@rambler.ru

”OLD PEOPLE WERE AFRAID OF HOLIDAYS TERRIBLY”: ETHNOLINGUISTIC CHARACTERISTICS OF CALENDAR HOLIDAYS’ TERMS (EXEMPLIFIED IN THE MATERIAL OF PECHORA DIALECT)

YULIYA IL’INA

(Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin: 55, Oktyabr’skiy av., Syktyvkar, 167000, Komi Republic, Russian Federation)

Summary. The article describes the lexemes that define “old” holidays of Ust’-Tsil’ma national calendar when a prohibition to work on these days exists. There are several local adjectives to name such calendar holidays in Pechora dialects, such as “pritchevye, pritchlivye, pritchlivatye, pritchevatye, pritchlivye, prikoslivye” (with semantics of poking, touching, squint glaze), “potrus(sh)livye” (with semantics of jittering), “ovetnye” (with semantics of promising). Each of these lexemes has a vivid inner form and implements its own characteristic model of the holidays.

The radix base of words “pritchlivyy” and “prikoslivyy” contains an idea that human is impacted by external powers through physical touch (poking) or a glance by evil (“squint”) eye. As a result, the dialect adjectives related with given holidays establish an internal connection between a negative event (specifically an accident) and the period in the annual calendar cycle when misfortune might befall.

Ways of human response to the accident that happened on a holiday are expressed in the internal form of lexemes “potrus(sh)livye” and “ovetnyy”. Inner form of the “potrushlivyy” adjective, that is derived from the verb (jittering with fear) and related with the noun denoting a coward, describes a sort of emotional reaction of a person, feared with the accident that has been once experienced and thus possible to reoccur. “Ovetnyy” adjective’s inner form reflects the rational reaction: a person promises to refuse to work on holidays (hoping to avoid possible accidents).

Principle of naming calendar holidays in Pechora dialects can be conceived roughly as a cause-effect chain. The case that has led to injury on this day may be explained through influence of external negative effects of touching (poking) or evil glance. Response reaction to it is manifested in fear of a possible accident, that might happen on this day, is reflected in the inner form of

“potrushlivyy”. Refusal of working is reflected is strengthened with the promise semantics of the adjective “ovetnyy”, that is derived from “ovet” (“obet” in codified Russian).

Key words: calendar holidays terms, inner form, motivation characteristic, semantic structure of words.

References

Dronova T. I. (2007) Ivan den' v traditsii staroverov-bespopovtsev Ust'-Tsil'my [St. John the Baptist Day in the Tradition of the “Priestless” Old Believers of Ust'-Tsil'ma]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2007. No. 2. Pp. 106–118. In Russian.

Fasmer M. (1996) Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Ed. by O. N. Trubachev. St. Petersburg. Vol. 1–4. In Russian.

Ivashko L. A. (ed.) (2003–2005) Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory [Dictionary of Russian Dialects of the Lower Pechora]. In 2 vol. St. Petersburg. In Russian.

Kaneva T. S. (2000) Kalendarno-bytovoy ukhad zhizni ust'tsilemov (po publikatsiyam XIX — nachala XX i materialam folklornykh ekspeditsiy SyktGU) [Calendar and Everyday Lifestyle Pattern among Residents of Ust'-Tsil'ma (Exemplified in Publication of the 19th — Beginning of the 20th Century and in Field Expeditions' Materials of Syktyvkar State University)]. Staroobryadchestvo: Istoriya, kul'tura, sovremennost' [Old Belief: History, Culture, Contemporaneity] Proceedings of the 5th Scholarly-Practice Conference. Moscow. Pp. 412–429. In Russian.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects] (1965–1989). Ed. by F. P. Filin. Moscow; Leningrad. Issues 1–23.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects] (1990–2010). Ed. by F. P. Sorokoletov. Leningrad (St. Petersburg). Issues 24–43.

Sreznevskiy I. I. (1989) Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for the Dictionary of Old Russian Language]. In 3 vol. St. Petersburg, 1893–1912. Reprint. ed. Moscow. In Russian.

Tolstaya S. M. (2008) Terminologiya obryadov i verovaniy kak istochnik rekonstruktsii drevney dukhovnoy kul'tury [Nomenclature of Rituals and Beliefs as a Source for Reconstruction of the Ancient Spiritual Culture]. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchoslavianskoy perspective* [Space of the Word. Lexical Semantics from the General Slavic Perspective]. Moscow. Pp. 210–225.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: juli_il@rambler.ru

Tel.: +7 (8212)39-03-97

55, Oktyabr'skiy av., Syktyvkar, 167000, Komi Republic, Russian Federation

PhD (Philology), associate professor, Department of Russian and Common Philology, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
